

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-259-272

ПОСТСОВЕТСКАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ И АФГАНИСТАН КАК СФЕРА ПЕРЕСЕЧЕНИЯ ИНТЕРЕСОВ КРУПНЫХ АЗИАТСКИХ ГОСУДАРСТВ

Д.Б. Малышева

Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН,
Москва, Российская Федерация

В статье дается оценка сложившейся в Афганистане обстановки, выявляются исходящие из этой конфликтной зоны вызовы и риски, воздействующие на сферу безопасности пяти государств постсоветской Центральной Азии (ЦА) и их азиатских соседей. Уделено внимание росту нарко-трафика и террористической угрозы из Афганистана, исходящей от «Исламского государства» (ИГ, запрещенная в РФ террористическая группировка). Рассмотрены дипломатические инициативы России, Китая, других государств по достижению национального примирения в Афганистане.

С учетом соперничества в рамках треугольника Китай — Индия — Пакистан анализируются затрагивающие интересы ЦА военно-политические и экономические проекты («Один пояс, один путь», «Китайско-пакистанский экономический коридор»), являющиеся альтернативами иницируемой Россией в ЦА интеграции в сфере экономики (Евразийский экономический союз — ЕАЭС) и безопасности (Организация Договора о коллективной безопасности — ОДКБ). В связи с недавними изменениями в азиатской стратегии США выявлены особенности взаимодействия Индии и Пакистана с постсоветскими государствами Центральной Азии и с Афганистаном. Хронологически статья охватывает период с 2014 г., когда начался частичный вывод из Афганистана американского воинского контингента, и до начала 2018 г. — складывания в Центрально-Азиатском регионе новой геополитической реальности.

Ключевые слова: постсоветская Центральная Азия, Афганистан, Китай, региональная безопасность, «Один пояс, один путь», «Китайско-пакистанский экономический коридор»

Со времени обретения независимости государства постсоветской Центральной Азии (ЦА) в рамках своей многовекторной политики традиционно ориентировались на различные внешние силы. В этот динамичный геополитический процесс вовлечен, наряду с Китаем, ряд крупных развивающихся государств, стремящихся оказывать влияние на экономическое и политическое развитие всего Азиатского региона в выгодном для себя направлении [Global “Perestroika” 2015]. Разноплановый характер взаимодействия стран ЦА со своими азиатскими соседями обусловлен различающимися внешнеполитическими приоритетами каждого из них, неодинаковым восприятием ими стратегий и тактик внешних игроков. На этом фоне нескончаемый международный кризис в афгано-пакистанской конфликтной зоне рождает серьезные вызовы стабильности постсоветской ЦА и региональной безопасности в целом.

Целью статьи является выявление специфики международно-политического взаимодействия Афганистана, постсоветских центральноазиатских республик и их

азиатских соседей в условиях непрекращающегося кризиса в афгано-пакистанской конфликтной зоне. Исходя из этой цели, автор ставит следующие задачи: выявить вызовы и угрозы, возникающие вследствие превращения афгано-пакистанской конфликтной зоны в региональную проблему; дать оценку дипломатическим усилиям России и ее партнеров по политическому урегулированию конфликта в охваченном глубоким кризисом Южно-Азиатском регионе; проанализировать значение китайского интеграционного проекта для смягчения напряженности в этом регионе, а также для развития постсоветской ЦА; определить место ЦА в контексте конкурентного соперничества в регионе КНР, Пакистана, Индии.

Хронологические рамки исследования охватывают новейший период: с 2014 г. — частичного вывода из Афганистана американского воинского контингента и до начала 2018 г., когда стали проявляться черты новой геополитической реальности в Центральной и Южной Азии.

Важным подспорьем для осмысления поднятых в статье проблем стали *востоковедные и политологические исследования российских и зарубежных ученых*. Особое место среди них занимают труды В.Я. Белокреницкого, Р.Р. Сикоева, С.Г. Лузянина, А. Рашида, Т. Фэллона, А.А. Умарова и др., посвященные истории и особенностям становления таких ключевых государств Южной Азии, как Пакистан, Индия, Афганистан, Китай, рассмотренные в контексте глобального и регионального видения проблемы эволюции стран Востока [Белокреницкий, Сикоев 2014; Лузянин 2016; Rashid 2010; Rashid 2012; Умаров 2017; Fallon 2015; Вызовы безопасности... 2013] Выбор именно этих источников и научной литературы обосновывается содержащейся в них разносторонней фактологической и теоретической базой, необходимой при анализе процессов взаимодействия крупных азиатских государств с Афганистаном и республиками ЦА.

В *методологическом плане* автор использовал в основном инструментарий политической науки, опираясь также на принцип историзма, структурный подход, системный подход, некоторые аналитические методики.

АФГАНО-ПАКИСТАНСКАЯ КОНФЛИКТНАЯ ЗОНА КАК РЕГИОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

Крупная международная операция, начатая 7 октября 2001 г. в Афганистане силами ряда стран во главе с США в ответ на совершенный боевиками «Аль-Каиды» 11 сентября 2001 г. террористический акт, привела к свержению режима талибов, после чего местные радикально-исламистские силы переместили центры своего влияния в соседний Пакистан, и эта страна (точнее ее пуштунский ареал) превратилась со временем в их опорную базу. С контролируемых талибскими военизированными структурами (Кветтская шура, а также Пешаварская и Мирам-шахская шура) пуштунских районов Пакистана боевики совершали нападения на Афганистан, осуществляли там акты диверсии и террора. Сформировавшаяся в 2010—2013 гг. «единая афгано-пакистанская зона джихадистов» [Белокреницкий, Сикоев 2014: 180] дестабилизировала ситуацию в сфере безопасности в Азиатском регионе, обострила вопрос его будущего, побудив администрацию Барака Обамы объединить подходы к Афганистану и Пакистану в одну региональную

стратегию («АфПак»)¹. Однако ни эта стратегия, ни убийство в Пакистане 2 мая 2011 г. американским спецназом лидера «Аль-Каиды» Усамы бен Ладена, ни направленные против талибов и исламистских боевиков многочисленные военные операции, проведенные США и Международными силами содействия безопасности (МССБ) в афгано-пакистанской конфликтной зоне, не пресекли активности «Талибана» и его союзников.

Мало что изменил в ходе конфликта и частичный вывод из Афганистана в 2014 г. американского воинского контингента и Международных сил содействия безопасности (МССБ) [Морозов 2016: 217—221]. Некоторые районы в провинциях Афганистана (Гильменд, Урузган, Нангархар и др.) по-прежнему напрямую контролировались антиправительственными боевиками; проблемы с обеспечением безопасности остались и у Пакистана, где в отдельных провинциях (например, Белуджистан) нередко были столкновения между правительственными войсками и местными племенами, связанными с талибами и другими экстремистскими группами [Azami 2016: 134].

В наши дни внешний фактор (присутствие в стране иностранных войск) только усугубляет взрывоопасный потенциал кризиса и не гарантирует создание в Афганистане жизнеспособного государства. США так и не выполнили своего обещания вывести войска, и вот уже администрация Дональда Трампа, ссылаясь на угрозу ИГ, заявила в 2017 г. о сохранении в Афганистане на неопределенный срок американского воинского контингента. Его численность, как и временные рамки пребывания американских сил, определить будет сложнее после представления Д. Трампом 21 августа 2017 г. новой доктрины «Стратегия в Афганистане и Южной Азии», согласно которой общественности не будут оглашаться конкретные данные по количеству американских военнослужащих — участников зарубежных операций, объявляться даты начала или завершения таких операций².

Результатом боестолкновений, в том числе и с участием обосновавшихся в Афганистане оккупационных войск США и их союзников, стал рост жертв среди гражданского населения — около 11 400 убитых и раненых в 2016 г. и 5243 в первом полугодии 2017 г., при том что две трети пострадавших составили женщины и дети [Afghanistan... 2017: 17]. Афганистан занял 7-е место в мире по числу внутренне перемещенных лиц: их было 160 тыс. человек только в первой половине 2017 г. [Afghanistan 2017: 17]. Из этой категории афганских граждан 81% испытывал, по данным ООН, серьезную нехватку продовольствия; 26% лишены доступа к питьевой воде и у 24% не было жилья [Humanitarian... 2017: 4].

По-прежнему не решается ситуация с ростом производства наркотиков и наркотрафика в Афганистане [Мальшева 2017: 15]. По оценке спецпредставителя

¹ A New Strategy for Afghanistan and Pakistan, March 27th, 2009. URL: <http://www.whitehouse.gov/blog/09/03/27/A-New-Strategy-for-Afghanistan-and-Pakistan> (accessed: 31.03.2010).

² Remarks by President Trump on the Strategy in Afghanistan and South Asia. Fort Myer Arlington, Virginia. The White House, August 21, 2017. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2017/08/21/remarks-president-trump-strategy-afghanistan-and-south-asia> (accessed: 21.08.2017).

президента Российской Федерации по Афганистану и директора Второго департамента Азии МИД России З.Н. Кабулова, в 2017 г. площадь посевов опийного мака в Афганистане увеличилась по сравнению с 2016 г. более чем на 60%, а производство опия — почти на 90%, «побив все мыслимые рекорды»³. Эксперты ООН [Afghanistan Opium... 2016] связывают это с увеличением территории, контролируемой движением «Талибан», для которого наркоторговля является одним из важнейших источников дохода.

Что касается политических перспектив этого движения, не представляющего собой на практике единого целого, то здесь просматривается несколько возможных сценариев: 1) уход «Талибана» с политической сцены по мере укрепления позиций действующей в Афганистане власти; 2) приход талибов к власти и установление в стране режима, сходного с тем, что попыталась выстроить на территории Ирака и Сирии террористическая группировка «Исламское государство»; 3) фрагментация Афганистана и Пакистана вследствие образования талибских анклавов власти («исламистских княжеств») [Белокреницкий, Сикоев 2014: 193], что может привести к фактическому отделению юга и востока Афганистана и северо-запада Пакистана, то есть дробления этих двух государств на более мелкие формирования. Следует также отметить, что в случае реализации второго и третьего сценариев неизбежно произойдет серьезное осложнение всей региональной обстановки в Южной и Центральной Азии.

Пока, однако, талибы не могут одержать победу по нескольким причинам. Во-первых, их идеология представляется большинству жителей экстремистской, а практика использования террористических методов — излишне жестокой. Об этом заявили в 2017 г. 93% афганцев, опрошенных международной некоммерческой организацией «Азиатский фонд» [Afghanistan... 2017: 47]. Во-вторых, «Талибан» — это по преимуществу пуштунское движение как по рядовому составу, так и руководству (почти 80% лидеров «Талибана» — пуштуны, выходцы из провинции Кандагар⁴), что обуславливает отсутствие его поддержки среди других крупных народов Афганистана (таджиков, узбеков, хазарейцев и др.). Наконец, большинство жителей Афганистана не устраивает то, что «Талибан» опирается на внешнюю помощь, идущую преимущественно из Пакистана и его Управления межведомственной разведки [Is Regional Strategy... 2010].

Не меньшую озабоченность в Афганистане и соседних с ним странах вызывает ИГ. По свидетельству З.Н. Кабулова, в Афганистане в настоящее время насчитывается свыше 10 тыс. боевиков этой террористической структуры⁵, и в их планах — усиление влияния в регионе [Мальшева 2017: 16—17]. По данным руководителя британского Международного центра по изучению радикализации

³ Замир Кабулов: США не препятствуют ИГ в Афганистане. URL: <http://tass.ru/opinions/interviews/4942167> (дата обращения: 08.02.2018).

⁴ Jones S.G. Why the Taliban Isn't Winning in Afghanistan. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/afghanistan/2018-01-03/why-taliban-isnt-winning-afghanistan> (accessed: 03.01.2018).

⁵ ISIS has over 10,000 fighters in Afghanistan, more arriving from Syria and Iraq. URL: <https://www.rt.com/news/414048-afghanistan-isis-numbers-rise> (accessed: 03.12.2017).

и политического насилия П. Ноймана, в 2015 г. в рядах суннитских радикальных группировок, воевавших с правительственными силами в Сирии и Ираке, находилось значительное число выходцев из ЦА: 250 человек из Казахстана, 100 — из Киргизии, 190 — из Таджикистана, 360 — из Туркменистана, 500 — из Узбекистана⁶. В последующие годы в рядах экстремистских организаций Ближнего Востока осталось немало центральноазиатских (а также и кавказских) участников.

Разгром в Сирии и Ираке основного костяка ИГ превратил, по многим свидетельствам, север Афганистана в один из центров сосредоточения исламистских боевиков. Посол России в Пакистане А. Дедов указывает: афганский север превратился в «базу отдыха международного терроризма» и «плацдарм для установления в регионе разрушительного халифата»⁷. По данным, приводимым интернет-изданием «Фергана», позиции боевиков ИГ заметно усилились в северных провинциях Афганистана — Сари-Пуль и Балх. Как утверждает губернатор Сари-Пуль М. Захир Вахдат, есть уезды, в которых днем официально управляет администрация, а по ночам наступает время власти ИГ; ряды группировки активно пополняются местными этническими туркменами и узбеками, а местных жителей, уверенных в том, что ИГ стало новым проектом Запада в Афганистане, волнует поддержка этой структуры со стороны США и их союзников, жестокое поведение ИГ на контролируемых им территориях Афганистана [Regional Security Outlook... 2018]. Как подчеркивает издание, «тема активизации ИГ в Афганистане неоднократно поднималась на международных дискуссиях как в самой республике, так и в центральноазиатских государствах и в России, но пока для решения этой проблемы не предпринимается никаких видимых мер»⁸.

СОДЕЙСТВИЕ МИРНОМУ ПРОЦЕССУ

Появление в Афганистане сил, связанных с транснациональным терроризмом и наркокартелями, серьезно повышает потенциал угроз для партнеров России по ШОС и ОДКБ в Центральной Азии. Осознание этого побуждает Россию и ее союзников предпринимать усилия по переводу военного конфликта в Афганистане в стадию дипломатического урегулирования, содействовать там процессу национального примирения. Выступая 19 января 2018 г. в Нью-Йорке на заседании Совета Безопасности ООН на тему «Создание региональных партнерств в Афганистане и Центральной Азии как модель по увязке безопасности и развития», министр иностранных дел России С.В. Лавров подчеркнул: «Ситуация в Афганистане требует комплексного подхода региональных государств и мирового сообщ-

⁶ Neumann P.R. Foreign fighters total in Syria/Iraq now exceeds 20,000 / The International Centre for the Study of Radicalisation and Political Violence, 26.01.2015. URL: <http://icsr.info/2015/01/foreign-fighter-total-syriairaq-now-exceeds-20000-surpasses-afghanistan-conflict-1980s> (accessed: 26.05.2015).

⁷ Ayaz Gul. Russia Says IS Turning Afghanistan Into 'Resting Base' for Regional Terrorism. URL: <https://www.voanews.com/a/russia-weighs-in-on-islamic-state-in-afghan/4244261.html> (accessed: 08.02.2018).

⁸ Кто помогает ИГИЛ укрепить позиции на севере Афганистана? URL: <http://www.fergananews.com/articles/9632> (дата обращения: 13.11.2017).

щества в целом. Опыт последних 20 лет наглядно демонстрирует неэффективность попыток решения имеющихся в Афганистане проблем силовым путем. На повестке дня — принятие практических шагов по запуску процесса национального примирения на основе соответствующих резолюций СБ ООН»⁹.

Руководствуясь этими соображениями, Казахстан, председательствующий в 2018 г. на ротационной основе в Совете Безопасности ООН, организовал дискуссии по Афганистану в формате «5+1» (пять центральноазиатских государств и Афганистан). Одновременно с этим Россия, стремящаяся противодействовать террористической угрозе и наркотрафику из Афганистана, проводит работу по налаживанию коллективных действий по мирному восстановлению Афганистана, политическому урегулированию конфликта в охваченном глубоким кризисом Южно-Азиатском регионе. По образцу «астанинского процесса», доказавшего свою эффективность в урегулировании сирийского конфликта, запущен «московский формат» консультаций по Афганистану, способный сыграть действенную роль в сфере дипломатического разрешения афганского конфликта: консультации уже прошли в Москве в декабре 2016 г. и в апреле 2017 г. [Мальшева 2017: 19—20]. В ходе консультаций была высказана обеспокоенность в связи с ростом наркотрафика, активности в Афганистане экстремистских группировок, включая ИГ. Стороны договорились также наращивать усилия по содействию продвижению внутриафганского примирения «при сохранении руководящей роли Кабула и соблюдении оговоренных ранее принципов интеграции вооруженной оппозиции в мирную жизнь»¹⁰.

Надежды на разрешение кризисной ситуации в Афганистане связываются в России и с работой контактной группы ШОС — Афганистан: ее деятельность, приостановленная в 2009 г., возобновилась в октябре 2017 г.

К дипломатическому марафону примкнул и Узбекистан. В январе 2017 г. по поручению президента Ш. Мирзиёева глава МИД республики А. Камиллов побывал с официальным визитом в Афганистане, где сделал знаковое заявление: Узбекистан больше не будет смотреть на Афганистан исключительно через призму угроз безопасности. Благодаря этому, подчеркнул А. Камиллов, отношения между странами обрели новую динамику и характер, что проявилось в активизации сотрудничества в политической, торгово-экономической, транспортно-коммуникационной и культурно-гуманитарной сферах, в реализации различных взаимовыгодных региональных энергетических, инфраструктурных и транспортных проектов¹¹.

⁹ Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на заседании Совета Безопасности ООН, Нью-Йорк, 19 января 2018 г. МИД РФ [сайт]. 70-19-01-2018. URL: http://www.mid.ru/ru/vizity-ministra/-/asset_publisher/ICoYBGcCUgTR/content/id/3026028 (дата обращения: 25.01.2018).

¹⁰ О проведении в Москве шестисторонних консультаций по Афганистану. 15.02.2017. URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2642417 (accessed: 17.02.2017).

¹¹ Узбекистан корректирует внешнюю политику // Независимая газета. 14.09.2017.

Таджикистан, находящийся, как и Узбекистан, на «передовой» линии соприкосновения с Афганистаном, тоже стремится внести свой вклад в нормализацию региональной обстановки. 28 августа 2017 г. президент Таджикистана Э. Рахмон встретился с начальниками Генеральных штабов вооруженных сил Афганистана, Пакистана и Китая. На встрече были рассмотрены вопросы, связанные с усилением двустороннего и многостороннего сотрудничества в направлении нормализации военно-политической ситуации в Афганистане, борьбы против терроризма и экстремизма, укрепления и защиты государственной границы¹².

Что касается Туркменистана, позиции которого в случае обострения обстановки в афганском приграничье намного уязвимее в сравнении с положением Узбекистана с его хорошо охраняемой границей и Таджикистана, гарантом безопасности которого являются российские военные базы и объединенная мощь ОДКБ, то и он — в целях противодействия потенциальным угрозам из Афганистана — пытается приспособиться к быстро меняющейся обстановке в сфере региональной безопасности. В начале октября 2017 г. президент Туркменистана подписал с Россией договор о стратегическом сотрудничестве, подразумевающий, в числе прочего, наращивание товарооборота между двумя странами. Некоторые эксперты не исключают достижения в будущем новых договоренностей о военном сотрудничестве, которые поставили бы под вопрос внеблоковый статус республики и в свете существующих угроз заставили ее пересмотреть свои взгляды на нейтралитет¹³.

Будущее ИГ в Афганистане и ЦА будет зависеть от ряда факторов: от развития событий в Сирии и Ираке; от того, сохранит ли «Талибан» относительное единство — если движение будет и дальше дробиться, то ИГ легче станет заполнять вакуум; от масштабов суннитско-шиитской розни, облегчающей распространение влияния ИГ; от того, будет ли осуществляться донорская поддержка ИГ извне, если рассматривать ИГ как своего рода «прокси» США, которые могут попытаться использовать эту структуру для продвижения собственных интересов в регионе и противодействия здесь влиянию России и Китая.

КИТАЙСКИЙ ПРОЕКТ ДЛЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

За развитием событий в Афганистане и ЦА внимательно следят другие азиатские региональные игроки — в первую очередь Китай. Этот «гигант Азии» стал в последние годы своеобразным локомотивом экономического развития всей Центральной и Южной Азии. В реализации своих региональных амбиций важную роль КНР отводит странам ЦА. Не случайно о двух своих крупных проектах — «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП) и «Морской Шелковый путь XXI века», призванных соединить морское и сухопутное начала, Генеральный

¹² Таджикистан, Китай, Пакистан и Афганистан договорились сотрудничать. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2017/08/28/tadzhikistan-kitay-pakistan-i-afganistan-dogovorilis-sotrudnichat> (дата обращения: 28.08.2017).

¹³ Слабое звено. Справится ли Туркмения с вторжением боевиков? URL: <http://www.fergananews.com/articles/9627> (дата обращения: 08.11.2017).

секретарь ЦК КПК и председатель КНР Си Цзиньпин впервые объявил во время посещения осенью 2013 г. стран ЦА и Индонезии. Китайский лидер дал тогда понять, что с запуском этих проектов Китай рассчитывает расширить свою торгово-экономическую экспансию в ЦА.

Привлекательность центральноазиатских государств в качестве рынков сбыта китайских товаров, заинтересованность КНР в энергоресурсах региона, готовность вкладывать инвестиции в разработку и транспортировку из ЦА углеводородов, потенциальные возможности территорий стран региона как «транзитных коридоров» для поставок товаров в Европу, развития бизнеса и коммуникаций — вот факторы, которые обусловили особую привлекательность стран ЦА для Китая.

Политическая стратегия Пекина формируется здесь на основании понимания национальной безопасности — опасения, что возможная нестабильность в государствах Центрально-Азиатского региона, а также и в Афганистане может способствовать росту напряженности в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) КНР, известном своими сепаратистскими настроениями [Clarke 2016: 1]. Противодействие вызовам и угрозам региональной безопасности в Азии Китай ведет не только в рамках ШОС, но и на уровне межгосударственных контактов с такими странами, как Афганистан, Пакистан, Таджикистан. С ними 4 августа 2016 г. Китай договорился о создании четырехстороннего механизма для обмена разведывательной информацией и подготовки кадров¹⁴. Примечательно, что при финансовой поддержке Китая в северной афганской провинции Бадахшан у границы с Таджикистаном будет построена новая военная база Вооруженных сил Афганистана. По мнению афганских аналитиков, таким образом Китай стремится предотвратить проникновение на свою территорию примкнувших к ИГ уйгурских боевиков из афганского Бадахшана¹⁵.

Особую роль Китай придает Казахстану, который параллельно с ростом китайских инвестиций наращивает объем торговли со своим азиатским соседом: в 2017 г. он составил 18 млрд дол. США¹⁶. Сотрудничество с Китаем осуществляется Казахстаном в рамках программы «Казахстан — 2050», которая сопряжена с проектом «Экономического пояса Шелкового пути», в том числе и в плане реализации в Казахстане совместных промышленных программ, поскольку КНР планирует вынести на территорию соседнего государства избыточные производственные мощности.

Киргизский политолог Н. Мураталиева обращает внимание на то, что ЭПШП и Евразийский экономический союз (ЕАЭС) в целом имеют взаимоисключающие цели. Китай, по ее словам, «стремится создать благоприятные условия для продвижения своих товаров на мировые рынки, основанные на развитии своих западных

¹⁴ China joins Afghanistan, Pakistan, Tajikistan in security alliance. URL: <http://atimes.com/2016/08/china-joins-afghanistan-pakistan-tajikistan-in-security-alliance> (accessed: 04.08.2016).

¹⁵ У границы с Таджикистаном появится новая военная база афганской армии. URL: <http://www.fergananews.com/news/27754> (дата обращения: 03.01.2018).

¹⁶ Об объеме торговли между Китаем и Казахстаном. URL: <http://www.zakon.kz/4902690-ob-obeme-torgovli-mezhdu-kitaem-i.html> (дата обращения: 07.02.2018).

регионов, прежде всего СУАР, что предполагает рассмотрение ЕАЭС в качестве транзитной территории и потенциального рынка сбыта товаров»¹⁷. Но это противоречит заявленной цели ЕАЭС — индустриализации экономик стран-участниц с целью их последующей интеграции в систему международного разделения труда.

СОПЕРНИЧЕСТВО В ТРЕУГОЛЬНИКЕ КНР — ПАКИСТАН — ИНДИЯ

Китайские проекты не ограничены Центральной Азией, они простираются на Иран и Пакистан. Так, в рамках инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП) Китай намерен создать военно-морскую базу рядом с пакистанским глубоководным портом Гвадар, расположенным в северной части Аравийского моря. Порт, построенный в 2007 г. при участии китайского капитала, стал важным торгово-транспортным узлом, позволившим Китаю начать экспорт своих товаров в страны Персидского залива, Ближнего Востока, Африки. Значимость этого порта, как и развития дорожно-транспортных коммуникаций в Пакистане, подтверждает факт включения их в план 13-й пятилетки КНР (2016—2020 гг.) [Мальшева 2016].

Особого внимания в этой связи заслуживает инициированный в 2015 г. в рамках ОПОП проект «Китайско-пакистанского экономического коридора» (КПЭК). Он привлекателен и для центральноазиатских стран, учитывая, что запланированные проектом нефте- и газопроводы, линии электропередачи будут питаться в основном от центральноазиатских ресурсов. В ноябре 2017 г. на переговорах президента Таджикистана Эмомали Рахмона с президентом Пакистана Мамнуном Хусейном и премьер-министром этой страны Навазом Шарифом обсуждались вопросы реализации регионального проекта CASA-1000 (Central Asia — South Asia), который предполагает поставки электроэнергии из Таджикистана и Киргизии в Пакистан и Афганистан. Поскольку считается, что регион транзита входит в зону риска, безопасность проекта взяли на себя обеспечивать США. Еще в 2012 г. в рамках своей стратегии «Новый шелковый путь» Вашингтон предложил Таджикистану, Киргизии, Афганистану и Пакистану создать общий энергетический рынок, где центральноазиатские государства выступили бы в качестве экспортеров, а Афганистан и Пакистан — импортеров электроэнергии. Но проект этот так и не удалось реализовать в силу сохранявшейся нестабильности в Афганистане и Пакистане, а также вследствие нехватки электроэнергии в Таджикистане. Китай, судя по всему, надеется благодаря запуску КПЭК частично реанимировать американский проект по использованию центральноазиатской ресурсной базы. Но делать это Пекин собирается уже на своих условиях и исходя из своих интересов.

Согласно планам Китая, выделившим на проект КПЭК около 62 млрд дол. США, «экономический коридор» должен связать Гвадар с портами Южного Китая — Гуанчжоу и Фанчэнг после того, как будет проложена дорога «Кашгар — Хавелиан» протяженностью в 1100 км. Однако решение Китая и Пакистана провести ее через расположенную на севере Кашмира спорную территорию Гилгит-Балтистан,

¹⁷ Наргиза Мураталиева: Россия и Китай в Центральной Азии: сопряжение на фоне конкуренции. URL: <http://cabar.asia/ru/nargiza-muratalieva-rossiya-i-kitaj-v-tsentralnoj-azii-sopryazhenie-na-fone-konkurentsii> (дата обращения: 26.05.2016).

контролируемую в настоящее время Пакистаном, вызвало резкую реакцию Индии. Ее правительство обвинило Китай и Пакистан в нарушении суверенитета Индии и не приняло во внимание заверения пакистанских должностных лиц о том, что КПЭК и ОПОП нацелены исключительно на «совместное процветание», и эти проекты знаменуют «новую эру в развитии гуманизма и прогресса в бедных регионах»¹⁸.

Недовольство Индии, а также и США, поощряющих все внешнеполитические начинания Дели (в особенности если они оказываются наполненными антикитайской составляющей), вызывает также формирование на базе КПЭК военно-политического сотрудничества Китая и Пакистана, в том числе по афганской проблеме. Летом 2017 г. по итогам поездок министра иностранных дел КНР в Исламабад и Кабул стороны договорились о том, что противоречия между Афганистаном и Пакистаном будут разрешаться в трехстороннем формате, с перспективой подключения к такому новому неформальному альянсу государств ЦА. Это, однако, может не обрадовать Россию, поскольку подрывает ее усилия по консолидации ОДКБ и других структур безопасности СНГ.

Индия, поддерживаемая в противовес китайско-пакистанскому альянсу Соединенными Штатами, стремится переиграть Китай и в сфере мировой экономики, и на площадках мировой политики [India... 2004]. Однако, по мнению ряда российских экспертов, ей пока «не удалось мобилизовать широкую и действенную международную поддержку своего курса и убедить ведущих контрагентов в способности играть по-настоящему мировую роль» [Барабанов, Бордачев 2017: 11—12].

Соперничество (в том числе и по территориальным вопросам) Индии, Китая и Пакистана, а также острый региональный кризис в Афганистане делают ситуацию в Южной Азии нестабильной и непредсказуемой. В то же время состоявшееся 9 июня 2017 г. на саммите ШОС в Астане вступление Индии и Пакистана в эту организацию могло бы позитивно сказаться на смягчении напряженности не только в индо-пакистанских двусторонних отношениях, но и в масштабах всего азиатского региона.

Что касается торгово-экономических отношений Индии и ЦА, то они со стороны Индии незначительны в сравнении с китайскими: объем внешней торговли Индии со странами ЦА исчислялся в 2012—2013 гг. 700 млн дол. США, что не шло ни в какое сравнение с китайскими вложениями в эту сферу (почти 50 млрд дол. США)¹⁹. С тех пор ситуация коренным образом для Индии не менялась.

Не получили должного импульса и отношения Пакистана с ЦА, в том числе и в силу того, что так и не была предотвращена радикализация Пакистана и он

¹⁸ CPEC may create more India-Pakistan tension: UN report / The Dawn, 24.05.2017. URL: <https://www.dawn.com/news/1335064/cpec-may-create-more-india-pakistan-tension-un-report> (accessed: 24.05.2017).

¹⁹ Gupta A. India and Central Asia: Need for a Pro-active Approach // Institute for Defense Studies and Analyses. Policy Brief, October 14, 2013. URL: https://idsa.in/policybrief/sco-india-enters-eurasia_pstobdan_140616 (accessed: 19.01.2018).

фактически оказался включенным вместе с Афганистаном в кризисную зону. Изменившаяся с приходом в Белый дом Д. Трампа стратегия США в Азии может предложить государствам ЦА новую развилку в контексте ухудшившихся американо-пакистанских отношений. Речь идет о выдвинутых Д. Трампом обвинениях в спонсировании Пакистаном терроризма путем поддержки «Талибана» и «сети Хаккани»²⁰, а также об объявленном 4 января 2018 г. Госдепартаментом США намерении приостановить помощь в сфере безопасности Пакистану (являющемуся третьим по величине получателем иностранной помощи США) до тех пор, пока Пакистан «не примет решительные меры» в борьбе с такими группами, как «Талибан»²¹.

Тем не менее Пакистан остается ключевым транспортным маршрутом, по которому осуществляются поставки дислоцированным в Афганистане американским вооруженным силам. Но с учетом того, что транзит через Пакистан может быть перекрыт, с начала 2018 г. страны ЦА, и в особенности Узбекистан, рассматриваются Пентагоном как альтернативные транзитные территории для доставки военных и грузов в Афганистан. Этим (а также и надеждами вновь завоевать Узбекистан, открывающийся миру при его новом президенте) можно объяснить значительно возросшую в 2017—2018 гг. интенсивность узбекско-американских контактов. Однако же в затеянной США очередной конфронтации с Пакистаном, а подспудно и с его союзником — Китаем, который, кстати, недвусмысленно высказался в поддержку Пакистана²², Узбекистан оказывается в весьма непростой ситуации. Абстрагироваться от разгорающегося в «четырёхугольнике» (США — Индия, Китай — Пакистан) спора будет крайне затруднительно, поскольку и Узбекистан, и другие страны ЦА являются получателями международной помощи развиту от всех четырех сторон «четырёхугольника», но в особенности от Китая. Не могут в ЦА не понимать и того, что недавние американские выпады против Пакистана — только повод, тогда как настоящая причина раздражения американской стороны кроется в чрезмерном сближении Исламабада с Пекином.

Итак, конкурентная борьба, развернувшаяся в постсоветской ЦА и Афганистане, определяется во многом динамикой глобального развития, которое характеризуется угасанием однополярного мира и все более уверенным становлением полицентричного миропорядка. Это диктует необходимость новых подходов к решению вопросов будущего Афганистана, проблем безопасности Южной и Центральной Азии — то есть о давно назревшей необходимости перевода основной ответственности за поддержание здесь стабильности от нерегиональных сил (США/НАТО) к действующим в рамках своих экономических и военно-политических структур крупным азиатским государствам и их центральноазиатским партнерам, а также к России, остающейся влиятельной евразийской державой.

²⁰ US Cannot Tolerate Pakistan's Support To Terrorists: Official. URL: <http://www.tolonews.com/world/us-cannot-tolerate-pakistan%E2%80%99s-support-terrorists-official> (accessed: 17.11.2017).

²¹ U.S. Suspends Most Security Assistance To Pakistan. URL: <https://www.npr.org/sections/thetwo-way/2018/01/04/575492300/u-s-suspends-most-security-assistance-to-pakistan> (accessed: 04.01.2018).

²² China opposes US statements linking terrorism to Pakistan / Dawn, 08.01.2018. URL: <https://www.dawn.com/news/1381627> (accessed: 04.01.2018).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Барабанов О., Бордачёв Т. и др. Как важно быть серьезным: мир на грани непоправимого. М.: Валдай, 2017.
- Белокреницкий В.Я., Сикоев Р.Р. Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана. М.: Институт востоковедения РАН, 2014.
- Вызовы безопасности Центральной Азии. М.: ИМЭМО РАН, 2013.
- Лузянин С.Г. Связанные одним поясом // Контуры глобальных трансформаций. 2016. Вып. 6. Т. 9. С. 41—59.
- Мальшева Д.Б. Постсоветская Центральная Азия и ее азиатские соседи // Россия и новые государства Евразии. 2016. № 4. С. 19—30.
- Мальшева Д.Б. Афганский кризис и постсоветская Центральная Азия // Мировая экономика и международные отношения. 2017. № 8. С. 14—23.
- Морозов Ю.В. Стратегия Запада в Центрально-Азиатском регионе в начале XXI в. М.: Институт Дальнего Востока, 2016.
- Умаров А.А. Афганистан и региональная безопасность Центральной Азии: начало XXI века. Ташкент, 2017.
- Afghanistan in 2017. A Survey of the Afghan People.* The Asia Foundation. 2017. URL: <https://asiafoundation.org/publication/afghanistan-2017-survey-afghan-people/> (accessed: 04.01.2018).
- Afghanistan Opium Survey 2016. Cultivation and Production. Executive Summary.* United Nations Office on Drug and Crime. October 2016. URL: <http://www.unodc.org/documents/press/releases/AfghanistanOpiumSurvey2016.pdf> (accessed: 17.11.2017).
- Azami D. The Islamic State in South and Central Asia // Survival.* 2016. Vol. 58. Iss. 4. P. 131—158. DOI: 10.1080/00396338.2016.1207955.
- Clarke M. 'One Belt, One Road' and China's emerging Afghanistan dilemma // Australian Journal of International Affairs.* 2016. Vol. 70. Iss. 5. P. 563—579. DOI: 10.1080/10357718.2016.1183585.
- Fallon Th. The New Silk Road: Xi Jinping's Grand Strategy for Eurasia // American Foreign Policy Interests.* 2015. Vol. 37. № 3. P. 140—147.
- Global "Perestroika". Transformation of World Order / ed. by A. Dynkin, N. Ivanova.* Moscow: Ves Mir Publishers, 2015.
- Humanitarian Response Plan. January 2018 — December 2021. United Nations Office for the Coordination of Humanitarian Affairs (OCHA).* 2017. URL: https://www.unocha.org/sites/unocha/files/dms/afg_2018_humanitarian_response_plan_0.pdf (accessed: 17.02.2018).
- India and Central Asia.* New Delhi, 2004.
- Is Regional Strategy Viable in Afghanistan?* Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2010.
- Rashid A. Taliban, Militant Islam, Oil and Fundamentalism in Central Asia.* Second edition. Yale University Press, 2010.
- Rashid A. The Future of America, Pakistan and Afghanistan.* London: Penguin Books, 2012.
- Regional Security Outlook 2018.* The Council for Security Cooperation in the Asia Pacific, 2018. URL: <http://www.cscap.org/uploads/docs/CRSO/CSCAP2018WEB.pdf> (accessed: 17.02.2018).

Дата поступления статьи: 25.02.2018

Для цитирования: Мальшева Д.Б. Постсоветская Центральная Азия и Афганистан как сфера пересечения интересов крупных азиатских государств // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 2. С. 259—272. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-259-272.

Сведения об авторе: *Мальшиева Дина Борисовна* — доктор политических наук, зав. сектором Центральной Азии Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (e-mail: dsheva@mail.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-259-272

POST-SOVIET CENTRAL ASIA AND AFGHANISTAN AT THE INTERSECTION OF THE MAJOR ASIAN STATES' INTERESTS

D.B. Malysheva

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relation,
Moscow, Russian Federation

Abstract. The article is analyzing the current situation in Afghanistan; it reveals the challenges and risks that emanate from this conflict zone and affect the security sphere of the five post-Soviet states of Central Asia (CA) and their Asian neighbors. Attention is paid to the growth of drug trafficking and the terrorist threat from Afghanistan by the “Islamic state” (IS, a terrorist group banned in Russia). The diplomatic initiatives taken by Russia, China, and other states to achieve national reconciliation in Afghanistan are considered.

Military-political and economic projects in Central Asia (“One Belt, One Way”, and “China-Pakistan Economic Corridor”), which are alternatives to the Russia-initiated integration in the sphere of economy (Eurasian Economic Union — EAEU) and security (the Collective Security Treaty Organization — CSTO) are analyzed taking into account the rivalry within the China—India—Pakistan triangle. In connection with the recent changes in the Asian strategy of the United States, the peculiarities of India—Pakistan interaction with the post-Soviet states of Central Asia and with Afghanistan have been revealed. The chronological framework of the article is a period following the partial withdrawal from Afghanistan in 2014 of the American military contingent, brought to the beginning of 2018, when a new geopolitical reality began to form in the Central Asian region.

Key words: the post-Soviet Central Asia, Afghanistan, China, regional security, “One Belt, One Way”, “the China—Pakistan Economic Corridor”

REFERENCES

- Afghanistan in 2017. A Survey of the Afghan People.* (2017). The Asia Foundation. URL: <https://asiafoundation.org/publication/afghanistan-2017-survey-afghan-people/> (accessed: 04.01.2018).
- Afghanistan Opium Survey 2016. Cultivation and Production. Executive Summary.* (2016). United Nations Office on Drug and Crime. URL: <http://www.unodc.org/documents/press/releases/AfghanistanOpiumSurvey2016.pdf> (accessed: 17.11.2017).
- Azami, D. (2016). The Islamic State in South and Central Asia. *Survival*, 58 (4), 131—158. DOI: 10.1080/00396338.2016.1207955.
- Barabanov, O., Bordachyov, T. & others. (2017). *The Importance of Being Earnest: How to Avoid Irreparable Damage. Valdai Discussion Club Report.* Moscow. (In Russ.).
- Belokrenitsky, V.Ya. & Sikoev, R.R. (2014). *The Taliban and the Prospects of Afghanistan and Pakistan.* Moscow: Institute of Oriental Studies. (In Russ.).
- Challenges to Security in Central Asia.* (2013). Moscow: Institute of World Economy and International Relations. (In Russ.).

- Clarke, M. (2016). 'One Belt, One Road' and China's emerging Afghanistan dilemma. *Australian Journal of International Affairs*, 70 (5), 563—579. DOI: 10.1080/10357718.2016.1183585.
- Fallon, Th. (2015). The New Silk Road: Xi Jinping's Grand Strategy for Eurasia. *American Foreign Policy Interests*, 37(3), 140—147.
- Dynkin, A. & Ivanova, N. (Eds.) (2015). *Global "Perestroika". Transformation of World Order*. Moscow: Ves Mir Publishers.
- Humanitarian Response Plan. January 2018 — December 2021. United Nations Office for the Coordination of Humanitarian Affairs (OCHA)*. (2017). URL: https://www.unocha.org/sites/unocha/files/dms/afg_2018_humanitarian_response_plan_0.pdf (accessed: 17.02.2018).
- India and Central Asia*. (2004). New Delhi.
- Is Regional Strategy Viable in Afghanistan?* (2010). Washington: Carnegie Endowment for International Peace.
- Luzyanin, S. (2016). Bound by One Belt. *Outlines of Global Transformations*, 6 (9), 41—59. (In Russ.).
- Malysheva, D. (2016). Post-Soviet Central Asia and its Asian Neighbours. *Russia and New States of Eurasia*, Moscow, 4, 19—30. (In Russ.).
- Malysheva, D. (2017). The Afghan Crisis and Post-Soviet Central Asia. *World Economy and International Relations*, 8, 14—23. (In Russ.).
- Morozov, Yu.V. (2016). *The strategy of the West in the Central Asian region at the beginning of the XXI century*. Moscow: Institute of the Far East. (In Russ.).
- Umarov, A.A. (2017). *Afghanistan and the Regional Security of Central Asia: the Beginning of the XXI century*. Tashkent. (In Russ.).
- Rashid, A. (2010). *Taliban, Militant Islam, Oil and Fundamentalism in Central Asia*. Second edition. Yale University Press.
- Rashid, A. (2012). *The Future of America, Pakistan and Afghanistan*. London: Penguin Books.
- Regional Security Outlook 2018*. (2018). *The Council for Security Cooperation in the Asia Pacific*. URL: <http://www.cscap.org/uploads/docs/CRSO/CSCAP2018WEB.pdf> (accessed: 17.02.2018).

Received: 25.02.2018

For citations: Malysheva, D.B. (2018). Post-Soviet Central Asia and Afghanistan at the intersection of the major Asian states' interests. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (2), 259—272. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-259-272.

About the author: *Malysheva Dina Borisovna* — Doctor of Political Sciences, Head of Section, Centre for Post-Soviet Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relation, Russian Academy of Sciences (e-mail: dsheva@mail.ru).

© Малышева Д.Б., 2018